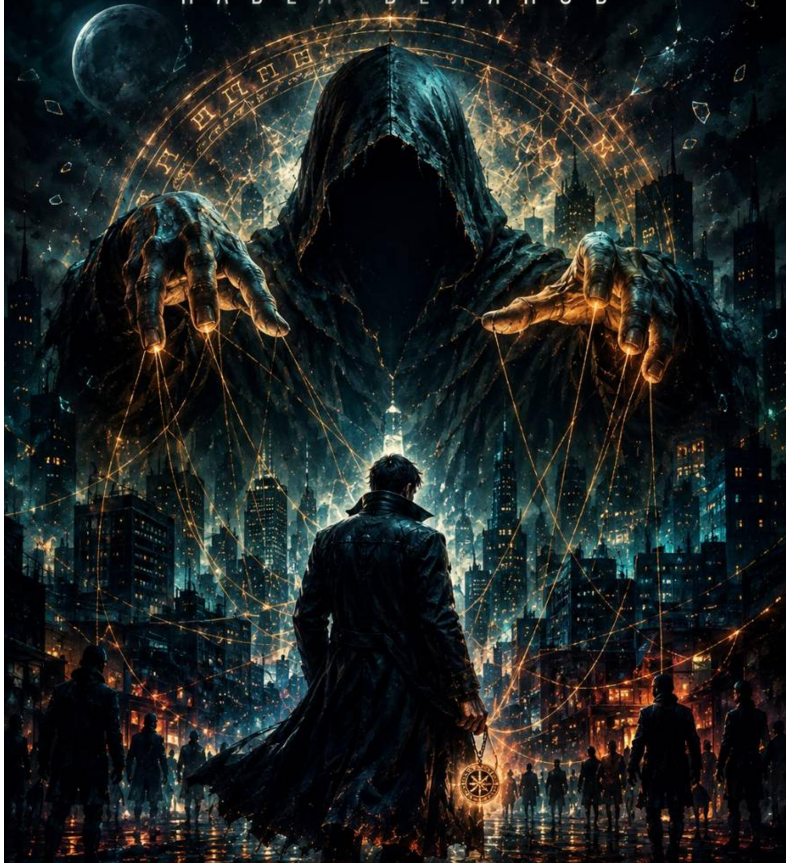


ПАВЕЛ БЕЛЯНОВ



# ДОЛЖНИКИ

ВСЯКАЯ МАГИЯ — ЭТО ДОЛГ.  
И ОН УЖЕ ПРОСРОЧЕН.

# Павел Белянов

## Должники

<https://litres.ru/74129792>

SelfPub; 2026

### Аннотация

Марек умеет то, что не умеет больше никто. Он видит чужие долги.

В его городе магия не бесплатна. Захотел удачу, силу или чужую память хотя бы на час — плати. Только платят не деньгами, а чем-то своим: годами жизни, памятью, кем-то из близких. И часто расплата приходит не тому, кто брал.

Пятнадцать лет Марек ходит по чужим квартирам, находит эти долги и снимает беду с одних людей, перекладывая её на других. Тяжело, редко, но у него получается. Это его работа. И каждый раз она стоит ему самого себя.

Сегодня он приходит к очередной клиентке — и видит то, чего не должно быть. Кто-то уже снял с неё долг. Его собственным способом. Тем же узлом, каким вяжет только он.

Значит, где-то в городе есть ещё один такой, как он. И непонятно, добро он делает или зло.

Тёмное городское фэнтези про долг, который нельзя не отдать, и про человека, который однажды поймёт, что должен сам — просто ещё не знает, за что.

# Содержание

Глава 1. Заявка	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

# Павел Белянов

## Должники

### Глава 1. Заявка

К Мареку приходили поздно. Всегда поздно. Люди тянут до последнего, ждут, что само пройдет, и идут к нему только тогда, когда деваться уже некуда. Тогда кто-нибудь тихо называет им его имя. И они звонят.

Вера с Литейной позвонила в среду. Пустила к себе только в пятницу. Два дня решалась. По телефону голос у нее был ровный, деловой, будто вызывает сантехника. У двери от этой деловитости не осталось ничего.

— Вы Марек, — сказала она. Не спросила.

— Я.

— Проходите. Тихо только. Ребенок спит.

Дом был старый, из тех, что поставили давно и с тех пор лишь подкрашивали фасад. Марек поднялся на четвертый пешком. Лифт работал, он слышал, как тот возится в шахте, но по лестнице ему было привычнее. Пока идешь, слышишь дом. Где ругаются, где топят, где тихо, но не по-хорошему. На третьем кто-то жарил лук. А с четвертого тянуло тем холодком, который сквозь кожу не проходит и который Марек чувствовал не кожей.

В прихожей он разулся, хотя она не просила. Так проще. Когда человек видит, что ты снял ботинки у него дома, он начинает чуть больше доверять. А без доверия люди врут, и потом это вранье приходится вычищать из головы дольше, чем делать саму работу.

Квартира была теплая. Батарею он тронул на ходу, пальцами, будто поправляя штанину. Горячая. Топили как следует. И при этом в комнатах стоял холод.

— Чаю? — спросила Вера.

— Давайте.

Чаю ему не хотелось. Но кружка на столе была нужна.

Кухня как кухня. Обои в мелкий цветочек, на холодильнике магниты, под одним детский рисунок. Солнце с лучами, дом, три человечка, взявшись за руки. Марек посмотрел на рисунок чуть дольше, чем надо было.

— Дочка, — сказала Вера, поймав его взгляд. И зачем-то добавила: — Ей семь. Даша.

Он кивнул. Сел. Огляделся уже по-настоящему, не пряча этого.

На подоконнике стоял горшок с геранью. С одной стороны цветок был живой, с другой засох, будто его поделили линейкой. Марек видел такое много раз. Рядом с человеком, который взял у Силы в долг и еще не расплатился, живое понемногу гибнет. Первыми сохнут цветы на окне, трава под подъездом. Герань засохла ровно с одной стороны, с той, где по дому ходил должник.

Часы на стене стояли. Стрелки замерли на без четверти три. Он не стал спрашивать, когда встали. И так ясно.

Вера поставила перед ним кружку. Заваривала при нем, пар шел над ободком. Марек обхватил кружку ладонями и стал слушать. Не Веру. Кружку.

Долг тянет из дома тепло, как тянет из цветка жизнь. Там, где он лежит, все остывает быстрее, чем должно, и Марек давно проверял дома этим способом, а не только по герани на окне. Пар осел за минуту. Он подержал ладони еще немного, и фарфор под пальцами стал комнатный. Как будто чай простоял на столе полчаса.

— Рассказывайте, — сказал он.

Она села напротив. Руки положила на стол, убрала на колени, снова на стол.

— У мужа неделю назад все получилось. Контракт. Большой, мы такого три года ждали. Он пришел домой, а я его таким не видела никогда. Счастливый. Я и сама обрадовалась сначала, а потом ночью лежу и думаю... — Вера замолчала. — Слишком уж все ровно легло. Тот заказчик с другими работал лет десять. А тут раз, и к нам. Ни с того ни с сего.

— Муж где сейчас?

— На работе. Он не знает, что я вас позвала.

Марек это и так понял. Мужики, которые берут удачу, к таким, как он, не ходят. Ходят жены.

— Он вам говорил, что что-то делал? Ходил к кому-то, платил кому-то?

— Нет. — Слишком быстро. — Он бы не стал. Он в это вообще не верит.

Она врала не Мареку. Себе. Марек к этому привык и спорить не стал. Отпил остывший чай, поставил кружку.

— Скажу как есть, — сказал он. — А вы решайте, что делать.

— Скажите.

— Ваш муж взял в долг. Не деньги. Он занял удачу, вот эту, с контрактом. Сам или через кого, уже неважно. Важно, что занял. И теперь по этому счету придут.

Вера сидела очень прямо.

— Кто придет?

— Никто, — сказал Марек. — Это не человек, с которым можно сесть и договориться. Тут как со счетчиком. Включил свет, счетчик намотал, счет пришел. Только этот счет приходит не деньгами. И не всегда тому, кто включал.

— А чем?

Вот тут была самая паршивая часть. Он всегда до нее доходил и всегда хотел бы промолчать.

— Ровно на столько, на сколько повезло, случится наоборот. Беда. И ляжет она не обязательно на мужа. Чаше на того, кто ближе всего.

Вера медленно повернула голову туда, где за стеной спала дочь. Лицо у нее стало пустое.

— На Дашу, — сказала она тихо.

— Может, на Дашу. Может, на вас. Я пока не знаю на кого.

Это можно посмотреть.

— Посмотрите.

Марек поставил кружку на середину стола, чтоб не мешала. Есть вещи, которые проще делать, когда клиент видит хоть что-то, а не пустые твои глаза.

Он протянул руку через стол ладонью вверх.

— Дайте руку. Не бойтесь, не больно.

Вера дала. Пальцы у нее были ледяные, хотя в кухне было тепло. Марек прижал два своих пальца к ее запястью, к тому месту, где бьется. Так проверяют долг. У человека, за которым тянется непогашенное, там есть точка, где пульс пропадает, а кожа делается матовой и холодной, как металл на морозе.

У Веры пульс шел ровно. Своя точка у нее была чистая. Долг сидел не на ней.

Значит, надо было смотреть дальше, вдоль. Он закрыл глаза.

Марек умел то, чего почти никто не умел. Он видел долг не как приметку, а сразу, то какой он есть. Тонкую натянутую нить, которая идет от должника куда-то вверх, в темноту, к тому, у кого занимали. И вторую нить, потолще, которая свисает вниз, к расплате, к тому, на кого счет упадет. По этой второй нити и понятно, кому платить.

Он нашел долг Вериного мужа сразу. Занял тот и правда много, нить была толстая, тяжелая, налитая. Марек повел по ней вниз, к расплате, чтобы увидеть, куда она нацелена.

И остановился.

Нить была перерезана.

Не оборвана сама собой, такое бывает, когда счет уже отдали. Ее перерезали и завязали заново. Кто-то взял расплату, которая шла на эту семью, и перебросил в сторону, на кого-то другого, за пределы квартиры, за пределы дома. Даша была чиста. Вера была чиста. Беда, которая должна была свалиться на ребенка, теперь висела на ком-то чужом, незнакомом, кого Марек отсюда даже разглядеть не мог.

Такое умел делать он. Только он. Перебросить чужой счет, снять его с одной шеи и повесить на другую. Это была его работа, его дар, за это ему платили и за это его звали.

Он присмотрелся к узлу, которым перевязали нить.

И холод пошел у него по спине, отдельно от того холода, что стоял в квартире.

Узел был завязан его рукой. Тем самым способом, каким вязал он сам. У каждого, кто умеет, свой почерк, как подпись, спутать нельзя. А это был его почерк. До последнего оборота.

Марек открыл глаза. Вера смотрела на него, вцепившись в край стола.

— Что? — выдохнула она. — Что там? Плохо?

Он выпустил ее руку. Помолчал, приводя лицо в порядок.

— С ребенком все хорошо, — сказал он наконец, и это была правда. — И с вами. Долг с семьи снят. Никто из вас платить не будет.

Вера обмякла, будто из нее вынули стержень. По щеке пошла слеза, она смахнула ее злым движением.

— Снят? Совсем? Вы его сняли?

— Не я, — сказал Марек. И тут же пожалел, что сказал.

— А кто?

— Не знаю. — Это тоже была правда, и от нее было совсем нехорошо. — Кто-то уже позаботился до меня. Раньше. Вам повезло.

Он видел, что она хочет спросить еще, и видел, что не решается. Люди в такие минуты хватаются за хорошее и боятся спугнуть. Вера выбрала поверить. Это было проще, чем понять.

— И еще, — сказал Марек, вставая. — Мужу передайте, чтоб больше так не делал. Второй раз может прийти без предупреждения. И следующий раз может достаться уже вам. Или Даше.

Вера кивала, но он видел, что половину она уже не вмещает.

Она сходила в комнату и вернулась с конвертом. Марек взял, не считая, убрал во внутренний карман. Считать при клиенте он не любил. Посчитает дома.

У двери, обуваясь, он еще раз глянул на рисунок на холодильнике. Три человечка. Солнце.

— Берегите ее, — сказал он. — Так, на всякий.

Вера не ответила. Закрыла за ним дверь, и он услышал, как повернулся один замок, потом второй.

На лестнице он постоял. С четвертого больше не тянуло холодом. Кто-то сделал за него его работу, чисто и аккуратно, его же руками, и ушел, не оставив ничего, кроме узла.

Такого не бывало. За пятнадцать лет ни разу.

На улице висел мелкий дождь, из тех, что не идут, а просто стоят в воздухе. Марек поднял воротник и пошел к остановке. Он думал не про деньги в кармане и не про Веру. Он думал про то, что где-то в городе есть еще одна рука, которая вяжет узлы, как его.

А это, если по-честному, было невозможно.

Домой он добрался к десяти. Троллейбус, потом три двора насквозь, потом его подъезд с вечно перегоревшей лампочкой на площадке. Про лампочку он давно перестал писать в домоуправление.

Квартира встретила тишиной и запахом вчерашнего. Марек жил один и давно. Кровать, стол, полки с папками, чайник. На полках лежала вся его работа за пятнадцать лет, тетрадь к тетради. Он был из тех, кто записывает. В его ремесле память подводит чаще, чем у прочих, и он рано понял, что все надо выносить на бумагу, пока не забыл.

Он поставил чайник. Достал конверт, пересчитал. Вера заплатила больше, чем он назвал бы. Так делают те, кому очень страшно.

Пока грелась вода, он сел и позволил себе то, чего не позволял при людях. Подумать про себя.

Марек не всегда был таким. Он помнил тот вечер, каждую

минуту его, хотя прошло уже семнадцать лет. Ему было девятнадцать. Его пырнули ножом в переходе за гаражами, из-за куртки и мелочи в кармане, глупо, ни за что. Он лежал на бетоне, и было очень холодно, и он чувствовал, как из него уходит тепло, толчками, в такт сердцу. Он тогда понял, что умирает и без ужаса, сил на ужас уже не было.

И в этот холод пришло что-то.

Он до сих пор не знал, как это назвать. Не человек, не свет, ничего из того, что рисуют в книжках. Просто в переходе, кроме него и его крови, появилось что-то огромное, внимательное, и оно на него смотрело. Ему стало любопытно. Марек до сих пор было тошно вспоминать это чувство: он умирал, а оно разглядывало его, как разглядывают жука на ладони. С интересом.

А потом оно его подобрало.

Марек очнулся утром в том же переходе, целый. Рубашка в крови, дыра от ножа в куртке, а на теле ни царапины. И в нем поселилось знание, которого раньше не было. Он смотрел на прохожих и видел нити. Он знал, кто из них должен, и кому, и сколько. Он знал, что это называется Силой, и знал, что теперь у него с ней договор. Чего Сила хочет, зачем подобрала именно его, он не знал тогда и не знал сейчас. Он много раз пробовал понять и всегда упирался в стену.

Сила была не человек и не бог. Она не отвечала на вопросы, не карала и не награждала. Она просто была, как погода, как море. Давала в долг всякому, кто просил, и всякого, кто

не платил, обирала вслепую. Люди не выбирали, чем расплатятся. Один брал удачу и через полгода терял ребенка, даже не сразу понимая, за что. Другой одалживал на час чужую память, чтобы вскрыть замок, а потом сколько ни старался не мог вспомнить лицо родной матери. Третий покупал себе минуту нечеловеческой скорости, чтобы уйти от погони по темному двору, и Сила забирала за это не деньги, а годы, или вкус хлеба, или страх, а без страха, как оказывается, долго не живут. Что именно заберет и когда, не знал никто заранее. Сила решала сама и потом не объясняла.

С Марекком у нее было иначе.

Он один брал у нее с открытыми глазами. Просил и заранее знал цену. Хочешь час чужого умения, изволь, вот что за это уйдет, решай. Чаще он отказывался. Но иногда, редко, когда ему было чем-то любопытно самому, он чувствовал, как Сила будто усмехается и дает даром, без расплаты. Просто так, потому что ей стало интересно, что он затеял. Это пугало его сильнее всего. Когда огромному и непонятному становишься интересен, это не к добру.

А главное, он умел перебрасывать. Взять чужую расплату и перевесить ее в другое место или в другую форму. Снять смерть с ребенка и оставить семье долгу болезнь, которую можно лечить. Убрать разорение и оставить человеку хромоту, которая догонит его через год на пустом месте, оступится на ровной дороге и не поймет, за что. Равный переброс, беду на беду той же тяжести, но помягче по виду, давался Марекку

тяжело, выбивал его дня на три. А если он пробовал сделать счет по-настоящему меньше, его выворачивало так, что он потом отлеживался неделю и боялся, что в следующий раз не встанет.

Он мог делать это редко. Раз в месяц, край, два, если совсем прижмет. Если он помогал чаще, если жадничал, тень начинала подбираться к нему самому, и он видел ее приближение заранее, как видел чужие нити. Свою собственную расплату за доброту. Пока он держал меру, тень стояла в отдалении. Он держал меру пятнадцать лет.

И вот сегодня кто-то перебросил долг с Вервиной семьи, его почерком, его узлом, и ушел.

Чайник давно вскипел и остыл. Марек этого не заметил.

Он встал, подошел к окну. Двор был пустой, мокрый, под единственным фонарем стояла лужа и в ней дрожал свет. Ему нужно было спросить. Был только один, у кого можно спросить, и Марек этого разговора всегда избегал, потому что после него дурно спалось.

Он сел на пол, спиной к кровати, как привык. Закрыв глаза. И потянулся к своей нити, к той, что шла от него вверх, в темноту, к Силе. Она всегда была на месте, натянутая, живая. Он редко ее трогал, а сейчас тронул.

Он не говорил словами. Со словами Сила не работала. Он просто подумал вопрос, всем собой сразу, как думают о боли. Есть еще один такой, как я? Кто-то, кто умеет вязать мои узлы?

Обычно Сила на такое не отвечала никак. Молчала, как молчит небо, если крикнуть в него.

Сейчас она ответила.

Марек почувствовал, как по его нити сверху потекло тепло, легкое, короткое, и в ладонь ему будто вложили что-то. Он открыл глаза. На полу перед ним лежал маленький займ, крошечный, из тех, что он иногда просил на пустяки. Взять на минуту чужую зоркость, услышать за стеной, вспомнить забытое имя. Он не просил ничего. А Сила дала.

Даром, без выплаты долга.

Она давала ему даром только тогда, когда ей было интересно.

Марек сидел на полу, держал в руке пустячную силу, которую не заказывал, и понимал одно. Он спросил, есть ли еще один такой, как он. И огромное, внимательное, которое семнадцать лет назад разглядывало его умирающим на бетоне, сейчас наклонилось к нему снова, с тем же самым любопытством, и ответило.

Ему тоже было интересно.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.